

П. А. Вяземский

Сонеты Мицкевича

Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. -- М.: Худож. лит., 1982. -- Т. 2. Литературно-критические статьи. Сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Вот необыкновенное и удовлетворительное явление. Изящное произведение чужеземной поэзии, произведение одного из первоклассных поэтов Польши, напечатано в Москве, где, может быть, не более десяти читателей в состоянии узнать ему цену; оно вышло из типографии и перешло в область книгопродавцев *incognito*, без почестей журнальных, без тревоги критической, как знаменитый путешественник, скрывающийся в своем достоинстве от дани любопытности и гласных удовольствий суетности. Батюшков, опровергая мнение Даламбера, что поэт на необитаемом острове перестал бы писать стихи, потому что некому читать и хвалить их, а математик все продолжал бы проводить линии и составлять углы, указывает на Кантемира, который в Париже писал свои бессмертные сатиры. "Париж был сей необитаемый остров для Кантемира",-- говорит Батюшков¹. Москва почти тот же необитаемый остров для польского поэта. Но поэт носит свой мир с собою: мечтами своими населяет он пустыню, и, когда говорить ему не с кем, он говорит сам с собою. Вероятно, вот отчего многие из прозаистов и почитают поэтов безумцами. Они не понимают: что за выгода поэту говорить на ветер, в уповании, что ветер этот куда-нибудь и когда-нибудь занесет звуки их души; что они сольются в свое время с отзывами всего прекрасного и не исчезнут, потому что когда есть бессмертие, то должно быть и бессмертие поэзии. Проза должна более или менее говорить присутствующим; поэзия может говорить и отсутствующим: ей не нужно непосредственной отповеди наличных слушателей. На поэзию есть эхо: где-нибудь и как-нибудь оно откликнется на ее голос.

Мицкевич принадлежит к малому числу избранных, коим предоставлено счастливое право быть представителями литературной славы своих народов. Кажется, утвердительно сказать можно, что ему принадлежит почетное место в современном нам поколении поэтов. Не нам, со стороны, подтверждать или исследовать сей приговор: приводим его только в свидетельство, как выражение общего мнения беспристрастных и более сведущих судей польской литературы. Нельзя не подивиться и не пожалеть, что сия соплеменница нашей так у нас мало известна. Сколько узы политические, соединяющие нас ныне с Польшею, столько узы природного сродства и взаимной пользы в словесности должны бы, кажется, нас сблизить. Изучение польского языка могло быть бы вспомогательным дополнением к изучению языка отечественного. Многие родовые черты, сохранившиеся у соседей и сонаследников наших, утрачены нами; в обоюдном рассмотрении наследства, разделенного между нами, в миролюбной размене с обеих сторон могли бы обрести мы общую выгоду. Братья, которых история часто представляет новым примером древней фивской вражды, должны бы, кажется, предать забвению среднюю эпоху своего бытия, ознаменованную семейными раздорами, и слиться в чертах коренных своего происхождения и нынешнего соединения. Журналам польским и русским предоставлена обязанность изготовить предварительные меры семейного сближения. По крайней мере, радуемся с своей стороны, что нам выпал счастливый жребий запечатлеть один из первых шагов к сей желаемой цели ознакомлением русских читателей с сонетами Мицкевича, которые, без сомнения, приохотят к дальнейшему знакомству. Впрочем, если Мицкевич был бы побуждаем равным желанием способствовать к этому соединению, то должно признаться, что он принял за лучшее средство: печатая свои сонеты в Москве, он задирает нас обольстительною вежливостью, и если Кантемиру не удалось никого выучить по-русски на своем острове, то надеюсь, что наш поэт будет его счастливее. Самый род, избранный польским поэтом, рама, в которую он втеснил свои впечатления и чувства, доказывают, что его не пугают взыскательные формы искусства и что для истинного поэта нет оков стихосложения. Мы уже отошли от суеверного пристрастия Депрео к сонету, но все должны признаться, что правильное исполнение его сопряжено с некоторым затруднением и налагает иго. Участь сонета странная. *Un sonnet sans defect vaut seul un long poeme* {Сонет без ошибки стоит длинной поэмы (*фр.*).}²,-- сказал законодатель новейшей классической поэзии: отечество его верует еще и ныне в его французский Коран (так Пушкин называет *l'art poetique* {Поэтическое искусство (*фр.*).}), а сонет давно забыт. Напротив, у поэтов, исповедующих романтизм, он еще в употреблении. Впрочем, и они имеют за себя если не законодателя романтизма, то главу его, Шекспира, который оставил нам более 150 сонетов. На этом ли примере основано возрождение сонета в наше время или просто на том, что в